

Грязные цветы

18+

Пленница волчьего офицера

Елена Хайд

Annotation

Еще вчера я была почетным гражданином, отправившимся добровольцем на войну, защищать свою родину от оборотней-захватчиков империи Дойрес. А уже сегодня — сломленная, потерявшая все военнопленная, которой остается лишь терпеть боль, унижение и сексуальное насилие, в надежде дожить хотя бы до завтра.

Для него я — представитель низшей расы, не более чем скот. Но почему же этот офицер, занимающий руководящую должность в трудовом лагере для пленных, так заинтересован во мне? По какой причине безжалостный садист, уверенный в своем превосходстве, решил сделать своей игрушкой именно меня?

Время утекает, словно вода в горном потоке, и где-то там, далеко, война продолжается. Здесь же для меня и для него — для благородного оборотня и жалкого, потерявшего даже себя самого человека — ничего никогда не изменится. Ведь мой мир разрушен, а его устои нерушимы.

Или, может?..

-
- [Хелена Хайд](#)
 - [ГЛАВА 1. Плата](#)
 - [ГЛАВА 2. Лагерь](#)
 - [ГЛАВА 3. Инцидент](#)
 - [ГЛАВА 4. Четыре стены](#)
 - [ГЛАВА 5. Искра](#)
 - [ГЛАВА 6. Из пепла](#)
 - [ГЛАВА 7. Длинная комната](#)
 - [ГЛАВА 8. Прежде чем наступит рассвет](#)
-

Хелена Хайд

**ГРЯЗНЫЕ ЦВЕТЫ. ПЛЕННИЦА
ВОЛЧЬЕГО ОФИЦЕРА**

ГЛАВА 1. Плата

Скажите, не кривя душой: что вы подумаете о женщине, которая отдалась мужчине за тарелку супа? Мужчине, который к тому же еще и враг ее страны, ненавидящий ее Родину и вносящий свою лепту в дело растаптывания ее народа.

Конечно же, вы не задумываясь назовете такую грязной дешевой шлюхой без малейших моральных принципов. Вот только чего стоят принципы, когда ты — маленькая соломинка, оказавшаяся брошенной в слишком сильное течение?

Когда-то они у меня, конечно же, были. Именно из-за принципов я оказалась в числе тех, кто пошел добровольцем, когда Третий Рихар империи Дойрес объявил войну моей родной стране. Тогда, в те дни, перед моими глазами то и дело мелькали возвышенные пропагандистские плакаты, которые призывали не дать захватчикам топтать родную землю. И я, преисполненная национальной гордости, прошла быстрый курс военной подготовки в королевских войсках, после чего с оружием в руках отправилась на фронт. Я была горда собой, и мои родители, друзья и близкие были горды за меня.

Вот только довольно быстро я поняла, что в войне нет и капли чего-то, даже близко напоминавшего гордость. Нет ничего героического или возвышенного. Потому что обычный рядовой был там не более, чем беспомощной песчинкой, которую туда-сюда кидал ураганный ветер. С баррикады на баррикаду, по команде — просто бежать, куда указывает командир, и стрелять туда, куда он приказывает стрелять. В результате так уж вышло, что мой отряд был в числе тех, кого бросили на закланье ради отвлекающего маневра, чтобы основные войска, проиграв бой, смогли отойти с минимальными потерями. Родина, которую я так стремилась защищать, просто выбросила меня, словно мусор.

Но вопреки статистике, по которой солдаты моей армии мерли как мухи, я не погибла в том бою. Меня взяли в плен... и я бы наверное, в прежние времена, даже сказала, что лучше уж смерть, лучше б меня в самом деле тогда застрелили, чем все остальное, через что мне пришлось пройти. Вот только... вот только жить все равно хотелось. До безумия. Даже вот так, жалко и ничтожно. Трясаясь в продуваемом сквозняками вагоне парового поезда, который вез скрипучие, воняющие нечистотами вагоны с военнопленными к трудовому лагерю. Вместе с сотнями,

тысячами таких же жалких, голодных и грязных биоединиц, как я. С людьми, которые казались оборотням, высшей касте Дойреса, расой второго сорта; феями, в которых оборотни видели для себя привлекательных секс-рабов... и эльфами, официально провозглашенными воинственной империей низшей расой, которая подлежала полному уничтожению.

И вот о каких моральных принципах вы скажете теперь? Какие, к чертовой матери, вообще могут быть моральные принципы, когда тебя на одной из остановок поезда, заметив в щели меж досками вагона, вызвал к себе офицер. И двое крепких солдат, выносивших и выбрасывающих на снег тела умерших в дороге пленных, позвали тебя, потребовав, чтобы ты немедленно вышла к ним. Но вместо того, чтоб расстрелять (а выстрел в затылок казался самым логичным во всем этом аду), отвели в офицерский вагон. Где перед тобой открылась дверь в опрятное, хорошо отапливаемое купе, посреди которого на столике исходила паром тарелка супа. А рядом стоящий подтянутым мужчина — красивый, сероглазый, с пепельными волосами, в черно форме с серебряной отделкой, — сказал тебе, что этот самый суп будет твоим, если ты отдашься ему.

В этот момент я не могла думать о героизме, гордости или патриотизме. Все это казалось чем-то далеки, абстрактным и совершенно непонятным. А суп... суп — он же здесь, настоящий, теплый, пахнет. Как же на него не наброситься? Не схватить дрожащими загрубевшими пальцами ложку, не разломить ними же кусочек свежего, мягкого белого хлеба, и не есть все это жадно, задыхаясь от удовольствия? Ощущая, как горячий бульон течет по пищеводу, наполняя своим приятным теплом уже казавшийся ссохшимся желудок? В тот момент я понимала, что такое блаженство стоит моей жалкой, никчемной жизни. И просто переспать с этим офицером в обмен на него — все равно, что купить графский особняк за медную монету.

Лишь когда я, доев, вылизала тарелку и облизала ложку, офицер, все это время молча стоявший рядом, отчеканил — строго, словно хлыстом по спине:

— Надеюсь, на сытый желудок ты не передумала расплачиваться? Или мне теперь отодрать тебя силой?

— Нет, что вы, господин, — вздрогнув, прошептала я, с легким металлическим стуком положив ложку на столик.

— Отлично, — бросил мужчина. — Тогда сейчас тебя проводят в банный вагон и ты там хорошенько отмоешься, потому что от тебя смердит, как от свиньи, месяц мариновавшейся в собственном дерьме.

— Как прикажете, — дрожа, кивнула я.

Строгим армейским голосом офицер что-то крикнул на своем языке, после чего в купе вошли все те же двое солдат. Которые, грубо подхватив под руки, повели меня по ковровым дорожкам через офицерский вагон и вагон-ресторан, где на меня то и дело косо поглядывали ухоженные, чистые и сытые люди. Прямо к вагону, едва войдя в который, я ощутила жар и ударивший в лицо пар. Меня тут же проводили в одно из отделений, где стояла большая бадья с нагретой водой, и подтолкнули. Не медля, я поспешила стянуть с себя свою грязную, вонючую одежду, и погрузилась в пахнущую травами воду.

Мне показалось, что я попала в самые настоящие чертоги рая. Просто лежу на облаке посреди небес, и мое измученное тело поет, ощущая приятное тепло, скользкое, распаривающее, уносящее от меня всю грязь, которая, казалось, намертво к нему приросла. Некоторое время я просто лежала в этой воде, не в силах даже пошевелиться. И лишь услышав недовольный крик одного из солдат — взяла в руки намыленную мочалку, которой принялась усиленно оттирать кожу, отмывать волосы и вычищать грязь из-под ногтей.

Когда я закончила, на меня накинули мягкий банный халат и выдали настоящие теплые тапочки. А затем повели обратно. К тому самому вагону, тому самому купе, где на своей полке (больше напоминающей кровать) сидел тот самый офицер.

— Да, я так и думал, если тебя отмыть, ты ничего, — проговорил он, встав с места. И подойдя ко мне, грубо ухватился пальцами за мои скулы, продавливая и так впалые от недоедания щеки.

Получив четкий приказ на дойреском, сопровождавшие меня солдаты отдали честь и удалились из купе, закрыв за собой дверь. И тогда я осталась наедине с офицером... который не собирался ждать, прежде чем получить свою плату за суп.

Девственницей я уже, конечно, не была — с военнопленными женщинами этот вопрос решался довольно быстро. Прежде чем погрузить в вагоны вместе с другими соотечественниками, меня успели уже трижды изнасиловать... что было далеко не рекордом. Просто феи вызывали у оборотней куда больший сексуальный интерес, и так вышло, что рядом со мной девушек этой расы было немало. А в моих жилах их крови текла лишь четверть — феей была моя бабушка, к счастью не дожившая до начала этой кошмарной войны.

Самую «популярную» из взятых со мной в плен девушек, черноволосую красавицу Фрейлис, за то время оприходовало около двух

десятков мужчин. Не знаю, жива ли она до сих пор, или уже давно умерла по дороге, оказавшись среди тех, чьи тела раз в пару дней выбрасывали из вагонов во время технических остановок.

— Когда тебя в последний раз насиловали? — с ухмылкой поинтересовался офицер, не отпуская моего взгляда. И не оставляя малейших сомнений, что эти глаза принадлежат жестокому, властному, и полностью уверенному в своем превосходстве палачу.

— За день до погрузки в поезд, — слабо ответила я, дрожа словно мотылек, приколотый булавкой к листу картона. — Кажется, это было где-то неделю назад, может больше. Мне трудно сказать, сколько дней вообще прошло после тех или иных событий.

— И как, ты скучала по этому? — выдохнул он в мои губы, развязывая халат, чтобы прикоснуться к исхудавшему телу, покрывшемуся гусиной кожей. — Скучала по члену, грубо врывающемуся в тебя? Тебе не хватало этого чувства — когда тебя грязно трахают на какой-нибудь вонючей помойке? Натягивают, словно мусор, которым ты и являешься? — хмыкнул оборотень, до боли сжимая своей мощной рукой маленькую грудь.

— Разве это имеет значение? — шепнула я бледными губами, ощущая вторую руку офицера, скользнувшую под халат, чтобы с силой сдавить ягодицу. После чего, пройдясь по бедру, жестко коснуться меня меж ног.

— В самом деле, совершенно не имеет, — горячо выдохнул он... и неожиданно смял мои губы агрессивным поцелуем.

Надо же. Ни один из предыдущих насильников не целовали меня. Да что там, я готова поспорить, что у них даже мысли не было о подобном. Все, что им было нужно, это забрать девственность, нагло хохоча при виде моих слез и глупой мольбы не делать этого. А затем — просто брать, причиняя боль, наслаждаясь своим превосходством и моим унижением. Никому из них не нужны были какие-то губы.

Поэтому оборотень, сбросивший сейчас с меня халат, показался мне странным. Ощущая исходивший от него запах сигарет и крепкого кофе, я лишь неподвижно стояла, широко распахнув глаза, в то время как его язык властно исследовал мой рот, а руки грубо касались только что распаренной в горячей воде кожи. Той самой, что обтягивала жилистое тело, которое оборотень с силой прижимал к своей черно форме, через ткань которой я чувствовала затвердевшее мужское естество.

Как вдруг мужчина резко отстранился, буквально отталкивая меня. И тут же схватил за плечи, разворачивая спиной к себе. Одним движением сильной руки оборотень нагнул меня, заставляя упереться лицом и грудью на купейный столик, от прохладной поверхности которого я вздрогнула.

— Отлично, — бормотал офицер, грубо водя пальцами меж моих ног. В то время, как до моих ушей долетел звук расстегивающейся застёжки ремня, а за ней и молнии штанов.

Ощувив головку члена, упирающегося в мою плоть, я зажмурилась, кусая губы. Для меня это было уже четвертое изнасилование...

...Нет, если сравнивать с той же Фрейлис, то правильнее будет сказать: «Лишь четвертое». Но сейчас мое тело пронзило страхом так, как не пронзало даже в тот момент, когда я поняла, что вот-вот насильник проникнет в меня впервые. Острый, непреодолимый животный ужас. Который был сейчас настолько велик, что буквально парализовывал, не давая не то что закричать, даже пискнуть. Потому я просто молчала, сжимая кулаки, когда огромный мужской орган плавно проскользнул в меня — медленно, словно примеряясь.

— Неплохо, — услышала я напряженный стон, с которым оборотень, проникнув на всю глубину, так же медленно вытаскивал из меня свой член. Чтобы тут же, снова не торопясь, просунуть его в меня, а затем повторить все это.

Он словно пытал. Мне так и хотелось закричать, чтобы он просто отымел меня наконец, кончил и приказал возвращаться в мой вагон. Потому что с каждым разом, как его член покидал мое тело, а затем медленно погружался в него, я ощущала себя так, словно это не единственный секс, а целая череда изнасилований. Которым нет конца края, и каждое из которых все больше сводит с ума.

Вот только самое страшное еще было впереди. Потому что в следующую минуту, когда орган офицера в очередной раз был во мне, его палец проник в мой рот, и я ощутила странный, горько-сладкий привкус маленького предмета, который он пропихивал мне на язык. Неужели... таблетка?

— Глотай, — приказал он, вытаскивая палец и жестко проводя загрубевшей подушечкой по моим губам. — Я тут понял, что хочу услышать, как ты похотливо визжишь, пока я тебя трахаю.

Неужели это... возбуждающее?

Нет, только не это. Потому что так еще хуже, чем обычное изнасилование. Слишком унижительно — похотливо стонать, пока тебя берет твой тюремщик, не считающий тебя даже за человека.

Вот только последние надежды на то, что эта дрянь не сработает, быстро растаяли. Потому что она, к моему сожалению, оказалась не только эффективной, но и быстродействующей.

— Вот так лучше, — ухмыльнулся оборотень, со следующим толчком

до боли сжимая мои бедра, в то время как я протяжно застонала. — За что я люблю алхимиков... их игрушки порой бывают даже полезнее, чем может показаться на первый взгляд.

Подчиняясь препарату, в считанные секунды взявшему контроль над моим телом, я могла лишь стонать, кусая кубы, от предательского возбуждения. Разум заволакивала мутна пелена, и все, что я теперь могла осознавать — это что сойду с ума, если член внутри меня перестанет грубо скользить во мне, раз за разом...

Это случилось со мной впервые. За все время. Нечто похожее я ощущала когда-то давно, еще до войны. Когда тихо мастурбировала под одеялом, снимая напряжение. Вот только те маленькие оргазмы показались игрушечными по сравнению с тем взрывом болезненного и постыдного экстаза, с которым сейчас разорвалось мое тело.

— Замечательно, — словно издалека долетел до меня самодовольный голос офицера. — Вот только мне кажется, что ты, похотливая сучка, все еще не удовлетворена, верно?

— Я... — только и смогла, что всхлипнуть я. Потому что этот чертов оборотень был прав. Действие той дряни, которую он скормил мне, все еще не закончилось, и каждую клеточку моего тела насквозь пронзала похоть.

— Это будет продолжаться еще минут двадцать, — напряженно дыша, выдохнул оборотень мне на ухо, в то время как спиной я ощущала ткань кителя, обтягивающего его крепкую грудь. — И если все эти двадцать минут тебя не будут драть по самые железы, ты рехнешься. Без шуток, — коварно прорычал он, прикусив кожу на моей шее. — Так что, мне продолжать иметь тебя?

— Да... — постыдно всхлипнула я, понимая, что уже готова истерично кричать, выдергивая свои блеклые рыжеватые волосы, если этот мужчина не продолжит двигаться во мне.

— Тогда умоляй меня, чтобы я продолжал, — нахально проговорил он, проводя по дрожащей спине своей шершавой ладонью. — Хорошенько попроси, а то я еще передумаю...

— Молю вас, не останавливайтесь, — закричала я, ощущая на щеках слезы. — Прошу, двигайтесь дальше. Я не могу, пожалуйста.

— Пожалуйста что? Драть тебя? — прорычал оборотень и дразнясь, почти полностью вышел из меня.

— Да, дерите меня, умоляю. Дерите жестко, глубоко, сильно...

— Знаешь, а ты мне нравишься. Такая забавная игрушка стояла тарелки супа, — выдохнул офицер, резко наматывая мои волосы на кулак. И словно обезумев, принялся остервенело вколачиваться в меня, раз за

разом впиваясь пальцами в худощавые бедра, покрытые гусиной кожей.

Пока действие препарата не закончилось, я кончила еще три раза. А после невыносимая похоть наконец начала отпускать тело. И вместе с тем, как возвращался разум, ко мне все больше приходило осознание произошедшего. Вместе с которым хотелось лишь одного: раз и навсегда провалиться сквозь землю.

Видимо ощутив, что забавная игра подходит к концу, оборотень наконец излился в меня. Сразу после чего, не говоря ни слова, усадил на тот самый столик и раздвинул ноги, чтобы просунуть в меня смазанный чем-то палец.

— Это чтобы ты не забеременела, — с презрением фыркнул он. — Ребенку моей крови нечего делать в теле какой-то грязной человеческой шлюхи. А теперь выметайся.

Едва я спрыгнула со стола, а офицер поправил форму, в купе по его команде вошли все те же солдаты, которые просто голышом вывели меня прочь. К счастью, мне позволили снова одеться — во все те же лохмотья, что я сняла в банном вагоне. И прежде, чем стоянка закончилась, а состав снова тронулся, я уже сидела в одном из продуваемых сквозняками вагонов с военнопленными. Дрожа, но больше не в силах заплакать. А еще понимая, что даже после всего, что этот мужчина сделал со мной, я бы все равно не отказалась от этого, перемотай кто-то время назад. Потому что вкус и запах теплого супа казался чем-то единственным настоящим, стоящем хоть чего-нибудь во всем этом аду.

ГЛАВА 2. Лагерь

За долгие дни, проведенные в вагоне с военнопленными, я даже стала понемногу забывать, что где-то за его пределами существует другой мир и другая жизнь. Другие места и другие люди. Потому искренне растерялась, когда состав остановился, дверь открылась, и всех, кто еще оставался жив, выгнали наружу. Вначале я даже немного обрадовалась перемене... вот только смутное, призрачное и блеклое подобие радости продлилась недолго. Ровно до того момента, как глаза, привыкшие к полумраку вагона, увидели серые тучи, под которыми тянулись бесконечные ряды колючей проволоки. А за ней — стены и напоминающие сараи здания.

Трудовой лагерь. Один из тех, куда солдаты Дойреса свозили пленных, чтобы те не покладая рук трудились над изготовлением боеприпасов, амуниции и всяких прочих вещей, необходимых для фронта.

Толпясь, шатаясь и спотыкаясь, новоприбывшие узники лагеря медленно, неровной шеренгой, под присмотром своих конвоиров ползли ко воротам, пересекая которые, следовало оставить всякую надежду. Потому что даже если произойдет чудо и Дойрес в конце концов начнет проигрывать войну, мне как-то не верилось, что ЗДЕСЬ можно дожить до того дня, когда союзные войска освободят пленников из этих стен. Раньше я только слышала об ужасах, которые творились в трудовых лагерях. И вот теперь мне предстояло на собственной шкуре испытать все круги ада местной жизни.

Новоприбывших, как я успела понять, заводили в первый корпус, на входе в который предстояло отстоять немалую, медленно тянущуюся очередь. Когда туда пришла пора входить и мне, я оказалась в большой комнате, посреди которой лежала огромная куча грязных вещей. Брезгливо морща нос от нашего вида, надзиратели приказывали всем раздеваться до гола, бросая туда свою одежду. А после — группами проводили в длинную узкую комнату, где шеренгой выставляли у стены. Чтобы человек в белом защитном костюме прошелся вдоль нее, поливая нас из шланга мощным напором белой, резко пахнущей жидкости. Как я поняла по запаху — каким-то дезинфицирующим алхимическим средством.

Едва он закончил, нас, дрожащих от холода и страха, торопливо погнали дальше. В комнату, где лежала другая гора одежды. На этот раз хоть потрепанной и поношенной (а разум подсказывал, что носили ее люди, которых здесь просто изничтожили), но при этом сухой и относительно

чистой... Ну, по крайней мере, продезинфицированной. И хоть ни у кого из прибывших не было должной координации движений, а замерзшие руки то и дело роняли серые тряпки, надзиратели злобно подгоняли нас, требуя, чтобы мы поскорее одевались и не задерживали.

Дождавшись, пока последний мужчина застегнет на себе потертые штаны, надзиратели погнали нас дальше. К выходу, на котором каждому из нас на запястье ставили лагерное клеймо, поверх которого завязывали повязку с заживляющими смесями. И шлепая по земле потертой, дырявой обувью, мы снова оказались на улице. Откуда нас уже, распределяя по каким-то своим критериям, повели в разные ангары.

Там, где оказалась я, было полным полно людей, которые лежали кто на многочисленных деревянных полках, а кто и просто на полу. Самые удачливые из них нагребли под себя немного соломы, вероятно соизмеримой здесь с королевскими перинами. Все до одного были истощенные, костлявые, с голодными глазами.

И готова поклясться перед всеми богами, что вряд ли этот ангар как-то особо отличался от других. По крайней мере, подавляющего их большинства.

Даже странно, но я была одной из первых, кто обратил внимание на вошедшую в одной «партии» со мной фею, которая встала на месте как вкопанная и начала жадно принюхиваться к застоявшемуся воздуху.

— Скажите... здесь рядом пекут хлеб, да? — с надеждой и даже какой-то безумной мечтательностью проговорила она.

— Хлеб? — непонимающе нахмурилась одна из женщин, лежавших на полках.

— Я ведь слышу запах, — не унималась фея, в то время как и я, принюхавшись, уловила витавший в воздухе слабый аромат, в самом деле чем-то напоминавший выпечку. — Мне ведь не кажется, правда? И... Когда мы шли сюда, я точно видела, что рядом с нашим ангаром стоит здание с трубами, из которых идет дым и пепел немного повалил. Это хлебный цех, да?..

— Нет, — грубо перебила женщина, поморщившись, словно от удара.

— То есть, нет? — растерялась фея. — Как же?

— Это не хлеб, — бросила та, поворачиваясь ко всем спиной. А после, сплюнув, добавила. — Это эльфы.

— Эльфы? — непонимающе прошептала девушка.

— Крематорий, — фыркнула женщина. — Как раз сжигают тех, которых потравили в газовых камерах в прошлую смену.

Эльфы жили в отдельных бараках. По сравнению с которыми, как

рассказывали старожилы, ангары, в которых содержали людей с феями, были просто элитным жильем. Но этих барачников было немного, потому что сами эльфы долго там обычно не жили. Хотя их сюда и свозили с завоеванных территорий ничуть не меньше, чем пленных людей и фей, для них не требовалось особо больших площадей. Потому что эльфов регулярно травили в газовых камерах. Раздевали, закрывали в герметичных комнатах и пускали газ. После чего тела тащили в крематорий, где сжигали.

А вот люди и феи работали на обеспечение фронта Дойреса и относительно редко (по сравнению с эльфами) умирали от голода, болезней или истощения. Время от времени солдаты приходили в ангары с женщинами после отбоя и выбирали себе игрушек, которых насиловали где-нибудь за углом. Обычно выбор, естественно, падал на фей, особенно если солдаты и сами были оборотнями чистых кровей. Впрочем, и меня пару раз уже успели вытащить посреди ночи, чтобы отодрать за углом — то ли чуяли на подсознательном уровне кровь моей бабушки, то ли я просто была первой, кто попадался им под руку. Хотя мне, в отличие от нескольких других девушек, повезло не попасть на групповое изнасилование. Оба раза все было быстро и без серьезных избиений. Так что я в какой-то мере могла считать себя счастливницей.

Но однажды ночью нечто в самом деле меня удивило. Обычно солдаты, придя за девочками для забав, шумно выбирали и вытаскивали свою добычу из ангара. Вот только... Сегодня трое солдат открыли нашу дверь после отбоя, войдя внутрь строгим военным шагом. И ничего не говоря, молча нашли меня взглядом, схватили за руку и поволокли прочь, сразу же заперев за собой дверь.

Стало еще страшнее, чем обычно. Они что... собираются убить меня? Расстрелять за что-то? Или хотят использовать в каких-нибудь особых групповых забавах?

Утопая в панике, я лишь осматривалась по сторонам понимая, что меня завели в ухоженное, опрятное, по местным меркам даже роскошное здание, похожее на... офицерский жилой корпус?

Остановившись у двери одной из квартир, солдат постучал. А когда ему открыли, я едва сдержала вскрик: на пороге стоял он. Тот самый оборотень, который взял меня в поезде за тарелку супа.

Перекинувшись с офицером парой слов на дойреском, солдаты грубо пропихнули меня внутрь, и тут же дверь за моей спиной захлопнулась, а щелчок замка сообщил мне, что я в западне.

Итак, снова этот мужчина? Не понимаю, почему? В то, что я совершенно случайно вот уже во второй раз оказалась той девушкой,

которую ему привели — как-то не верится. Но тогда по какой причине этот оборотень вспылал ко мне таким странным интересом?

— Чего стоишь? — бросил он, глядя на меня своим совершенно естественным взглядом: словно на мусор. — Там, на столе, горячий суп, булка и целый говяжий стейк. Иди, у тебя ровно полчаса чтобы пожрать, а потом помыться в ванной, чтоб мне не пришлось затыкать нос, пока я буду драть тебя до самого утра. Или может местная кормежка тебе настолько понравилась, что мои скромные объедки больше тебя не прельщают, потому ты решила отказаться от нашей маленькой сделки... так что мне сейчас просто изнасиловать тебя и вышвырнуть из окна?

— Нет, я согласна, — не думая ответила я, не сводя взгляда с того самого стола, на котором дымились новая тарелка супа и огромный кусок хорошо прожаренного красного мяса.

Словно издеваясь, желудок, с того самого дня в поезде не знавший ничего, кроме вонючей горелой каши и черствого хлеба, предательски заурчал. Так громко, что офицер с издевкой ухмыльнулся. И так болезненно, что сама я поморщилась, прижимая руку к животу.

— Тогда время пошло, — фыркнул оборотень, армейским шагом направляясь к большому кожаному креслу. В котором расположился, с садистским удовольствием наблюдая за тем, как я набросилась на еду.

Как вкусно. Мамочки, как же вкусно. Я даже представить себе не могла, будто когда-нибудь снова ощущу в своем рту горячий куриный бульон. Что уж говорить о сочном, мягком мясе, мастерски зажаренном на гриле. И хлебе, настоящем мягком хлебе, испеченном самое позднее сегодня вечером. На фоне всей этой роскоши в самом деле меркли воспоминания о том, что этот мужчина сделал со мной в прошлый раз, и понимание того, что он наверняка сделает теперь. Подумаешь, еще один секс по принуждению... после всех дней в холодном вагоне, после уже пережитых изнасилований солдатами... в отличие от остальных этот зверь, по крайней мере, кормит, прежде чем истязать.

Доев последний кусочек мяса, я тщательно выскребла тарелки хлебом, который потом с наслаждением проглотила. А затем жадно облизала свои пальцы.

И лишь после этого перевела взгляд на оборотня, продолжавшего нерушимо сидеть в своем кресле.

Ванная. Он сказал, чтобы я помылась. И что у меня лишь полчаса на еду и мытье. Я ела быстро (хоть видят боги, в самом деле старалась растягивать каждый кусочек... но не могла, слишком сильным был голод и слишком вкусным — угощения, которые мне преподнес мой мучитель).

Значит, на то, чтобы помыться, времени должно оставаться еще достаточно. Тем не менее, нужно поторопиться, чтобы успеть как можно лучше отмыть грязное тело.

Несмело поднявшись на ноги, я прошлась по ковру с коротким ворсом и оказалась в комнате, где на выложенном плиткой полу стояла белая ванна, наполненная ароматной горячей водой. Впопыхах я сняла серую потертую одежду и опустилась в нее, невольно зажмурившись от ощущения бархатной воды, которая обволакивала каждый сантиметр измученного, изнуренного тела. Пахла цветами и травами, такими приятными и душистыми.

Безмятежность, захлестнувшая меня, убаюкивала. Хотелось забыть о войне, плене, лагере. Обо всем пережитом. И просто представить, что я дома, все хорошо, и ничего этого никогда не было, словно произошедшее — лишь страшный сон. А вот сейчас я, понежившись еще немного, еще самую капельку, вылезу из ванны. И ответив на мамин голос, войду на кухню, где доготавливается жаркое...

— Время истекло, — внезапно прозвучал надменный голос, разом разбивая все зыбкие иллюзии. Которые ускользнули от меня в мгновение ока, стоило сильной руке оборотня грубо схватить меня за плечо.

Резко открыв глаза, я невольно вскрикнула, увидев над собой его ухмыляющееся лицо. Сказать хотя бы слово не получалось. Все, что было в моих силах, это затаить дыхание, когда мужчина рывком выдернул меня из воды и прижал мокрую кожу к своей грубой военной форме.

Ощувив властный поцелуй, я зажмурилась и задрожала. Его губы двигались с не меньшим напором, чем в прошлый раз... а может даже и агрессивнее. Сминая, кусая, и без остатка подчиняя своей воле.

Он взял меня сразу, не дожидаясь, пока мы окажемся, скажем, в его спальне. Просто усадил на край ванны, грубо раздвинул ноги и, приспустив свои штаны, прижался ко мне, направляя свою возбужденную плоть в мое распаренное тело. И тут же, не скрывая похоти, принялся быстро, жадно двигаться, надежно придерживая меня, чтобы я не упала.

— Как я скучал по твоей дырке, — горячо выдохнул он мне на ухо, до боли сжимая бедра. — Хотелось поскорее натянуть тебя и отодрать, чтобы снова слушать, как ты визжишь, пока я тебя трахаю.

— Почему? — сама не понимаю, как у меня хватило духу, но это слово сорвалось с моих покрасневших губ.

— Почему?

— Почему вы... хотели сделать это со мной? Именно со мной, а не с какой-нибудь другой женщиной? Их ведь в лагере полно... зачем вам я? —

простонала я, ощущая как руки оборотня напряженно скользили по моей мокрой от воды и пота спине.

— В самом деле, как-то я об этом не задумывался, — прорычал офицер, резко дернув меня за волосы. И тут же прикусил открывшуюся шею. — Но по какой-то дурацкой причине мне снова хотелось позабавиться именно с тобой. Радуйся, шлюха. Ведь благодаря моей прихоти ты получила еще немного жратвы, о которой таким как ты даже мечтать не положено.

Охнув от ощущения шершавого языка, лизнувшего мою шею, я ощутила головокружение и точно упала бы, не держи оборотень меня так крепко. Как вдруг я почувствовала напряжение во всем его теле, с которым каменный ствол впечатался в меня, изливая в мое лоно поток горячего семени.

Прошло несколько секунд, прежде чем офицер вышел из меня, и тут же буквально впихнул обратно в ванну.

— Вымойся хорошенько, — хмыкнул он, вытирая свой член лежавшим рядом полотенцем. — И скорее возвращайся, а то я не собираюсь долго ждать, шавка.

— То есть, вы хотите еще?..

— А ты что думала? — бросил оборотень. — С тем, как я накормил тебя этим вечером... будь уверена, я буду драть тебя не один раз. Пока самому не надоест. Так, что завтра ты ходить не сможешь. Потому поторопись, у тебя минут десять, ждать дольше не собираюсь.

— Хорошо, — сглотнула я, сжимая в руке мочалку. Последнее, чего мне сейчас хотелось — разозлить этого мужчину.

Я понимала, что никогда не смогу отмыться от его прикосновений, даже если каким-то чудом выберусь отсюда и проживу долгую спокойную жизнь. Даже если всю эту жизнь буду, не вылезая из ванны, тереть свою кожу мочалкой. Даже если...

Но ни одно «даже если» не имело значения. Я должна была просто поторопиться. И как следует вымывшись, вылезла из ванной. К счастью, полотенце здесь лежало несколько кроме того самого, которым оборотень вытер свой член считанные минуты назад.

Итак, мне оставалось лишь одно. Промокнув кожу одним из мягких полотенец, я направилась в комнату, где мужчина уже ждал меня. Как оказавшись, лежа на кровати совершенно голым.

Даже смешно, но я ведь до этого момента до сих пор не видела его без одежды, хотя он уже дважды брал меня, при этом оба раза на мне не было ничегошеньки, кроме собственной кожи. А теперь я сама впервые смотрела

на его сильное, тренированное тело, каждый мускул которого играл, переливаясь, словно вода.

Невольно взгляд задержался на внушительном мужском естестве... что, конечно же, не ускользнуло от внимания офицера. И его губы растянулись в уже привычной усмешке, немного обнажившей зубы, казавшиеся в полумраке остро заточенными.

— Давай, иди сюда, — приказал он, заставляя меня в который раз вздрогнуть. И не оставляя иного выбора, кроме как подчиниться.

Справившись со страхом, я сделала первый несмелый шаг, и несколько секунд спустя оказалась возле огромной, мягкой на вид кровати. Ухмыляясь со все тем же высокомерным, садистским удовольствием, мужчина подался вперед, словно крючком цепляясь за мою талию. А второй рукой сжал ягодицу.

— Не надейся, что все закончится быстро. Это будет долгая, очень долгая ночь, — протянул он, затягивая меня на кровать. И тут же, не теряя времени, смазал свой палец содержимым баночки, стоявшей на прикроватной тумбе. Чтобы считанные секунды спустя, пока я стояла на коленях рядом с ним, просунуть этот палец в меня.

Я догадалась, что это — та самая мазь, которую он использует, чтобы такая как я не забеременела от него. А заодно, подозреваю, защищает его от возможных венерических заболеваний, которые я теоретически могла подхватить. При этом самое забавное... практически все мужчины, насилующие меня, пользовались презервативами — дешевыми, до их было достаточно, чтобы избежать болезней, которые я могла бы переносить. К тому же... думаю, дело было не только в нежелании подцепить что-нибудь, но и в самой идеологии империи Дойрес. Согласно которой важнейшим являлось сохранение чистоты собственной крови. И твой ребенок, рожденный женщиной из низших рас, был в сознании оборотней таким несмываемым позором, что они боялись малейшей вероятности того, что насилуемая пленница или горожанка понесет от них, пусть даже сам мужчина не узнает о своем отцовстве.

Такие, как я, были скотом. Который можно убивать, истязать и насиловать, но которому ни в коем случае нельзя дать такой «честь», как забеременеть от представителя высшей расы оборотней. Не стерилизовали нас только потому, что в отличие от эльфов, полностью подлежащих уничтожению, мы были рабочим скотом, который в перспективе планировали «разводить», скрещивая друг с другом. Уже сейчас из оккупированных земель в империю Дойрес вывозили некоторых гражданских, отличающихся особо качественными генами — как рабов

премиум-класса.

— Скажи, а тебя часто насилуют? — с издевкой поинтересовался офицер, высовывая из меня пальцы.

— Не чаще, чем некоторых, но достаточно, — напряженно выдохнула я, ощущая как грубые ладони оборотня напряженно скользнули по моим бедрам.

— Всегда поражался таким дурам, как ты, — хмыкнул мужчина, усаживая меня так, чтоб его бедро оказалось прямо меж моих ног, и с каждым его размеренным, неторопливым движением, легонько терлось о меня, от чего на его коже оставались мои соки. — Какого черта женщины твоей дурацкой страны вообще повалили на войну в таком количестве?

— Потому что нам наплели о том, как благородно защищать родину, — ответила я, сжимая кулаки.

— И много вы там защитили своими бабскими батальонами? — хохотнул оборотень, сдавливая пальцами напряженную ягодку соска. — Почти все вы на фронте довольно бесполезны, и чаще всего таких как ты как раз кидают на отвлекающие маневры, и прочие суицидальные миссии. А единственное, на что вы действительно пригодны — это стонать, визжать и умолять остановиться, пока вас дерут по самые гланды. Вот в этом да, вы, женщины, однозначно незаменимы, — рассмеялся офицер, больно шлепнув меня ладонью по бедру. — Кажется, специально ради этого твоя страна и позволила бабским батальонам пойти на фронт. Чтоб солдаты не скучали и им было кого трахнуть между делом.

— В армии Ранбисы женские батальоны даже ночуют отдельным лагерем, вокруг которого выставляют часовых... — попыталась возразить я, от чего-то ощутив глупую, наивную обиду.

— Вот только не говори мне, будто сами вы там не бегали скакать на членах после отбоя, — фыркнул оборотень, до боли смяв небольшую грудь.

— Некоторые правда ходили к солдатам из мужских батальонов... но не все, — безнадежно простонала я, тяжело дыша из-за того, как нога офицера терла меня меж ног, усиливая позорное физическое возбуждение.

— Хотела сказать: «Но не я»? — хмыкнул мужчина, надавливая большим пальцем на самую чувствительную точку моего тела.

— Да, не я, — всхлипом сорвалось с моих губ, за секунду до того, как вторая рука оборотня коснулась моего лица, и настойчивый палец грубо проник в рот.

— Строишь из себя порядочную шлюху? — прорычал он, резко выдернув палец из моего рта и прижав эту самую ладонь к спине. — Неужели ни разу за всю войну ни с кем до плена так и не перепехнулась?

— Нет, — постанывая, прошептала я, задрожав, когда пятерня офицера оставила на моей спине красные полосы от его коротких ногтей. — Ни разу. Я ни разу ни с кем...

— Хочешь сказать, до плена вообще ни разу ни с кем? — прищурившись, ухмыльнулся он, прежде чем прикусить мой сосок.

— Да, — против воли призналась я.

— Получается, твоим первым мужчиной стал один из моих солдат, грязно тебя изнасиловавший? — проговорил офицер, внезапно подхватив меня и буквально швырнув спиной на простынь. А уже миг спустя хищно навис надо мной, прижимая своим телом к постели.

— Верно, — выдохнула я, ощущая его член, упирающийся в меня.

— Надо же, как интересно, — протянул он. — Жаль, что в тот день, когда тебя лишили девственности, тем солдатом был не я, — продолжал оборотень со сверкнувшим в серых глазах хищным безумием. — Я бы очень хотел быть тем, кто тогда стянул с тебя штаны и грязно трахнул. Просто чтобы увидеть твое лицо в этот момент, когда мужчина впервые насилует тебя. Чтобы слушать эти крики, мольбы не делать этого с тобой, не забирать твою невинность ВОТ ТАК... а потом слушать твой надрывистый плач с каждым своим толчком внутри твоего впервые оскверненного тельца. Уверен, это было бы забавно. Но знаешь, ничего страшного. Уверен, я и так с тобой достаточно позабавлюсь, — хмыкнул офицер, проскальзывая в меня одним резким движением.

Распахнув остекленевшие глаза, я напряглась, с ужасом глядя на нависавшего надо мной мужчину. Который очевидно наслаждаясь этих взглядом, принялся жестко двигать бедрами, раз за разом насаживая меня на себя.

— Нужно было быть полной дурой, чтобы записываться в эти бабские батальоны, — пропыхтел он, с силой вколачиваясь в меня. — Потому что та, у кого есть хоть сколочко мозгов, должна была бы понимать, что именно это ждет женщин на войне: лежать на спине, или стоять раком, пока вас жестко трахают все, кому не лень. Особенно это касается фей. Особенно когда те знают, что у оборотней встает только уже от одного их запаха, — прошептал мужчина мне на ухо, лизнув раковину. — От тебя тоже немного пахнет феей... но этот запах совсем слабый. Его почти и не слышно, если не принюхиваться. А когда вокруг полно настоящих фей, пошедших в армию добровольцами, такая шавка как ты и вовсе никому не нужна.

— Тогда почему сейчас в этой постели лежу я, а не какая-нибудь из пленных фей? — невольно прошептала я, и сразу же прикусила язык.

— Просто потому что мне так захотелось, сучка, — хохотнул мужчина,

резко впиваясь в мои губы.

ГЛАВА 3. Инцидент

Несомненно, это прозвучит странно, дико, жутко и даже отвратительно. Но я совершенно ничего не чувствовала, делая на лагерном заводе бомбы, которым предстояло быть сброшенными на города моей родины. Чтобы упав посреди ночи с дирижаблей, взрывать дома вместе со спящими там мирными людьми, среди которых — женщины и даже совсем маленькие дети.

И я догадывалась о причине такого своего безразличия: наверное, моя душа уже попросту была мертва. А тот холодный труп, в который она превратилась, просто физически не был способен задумываться о том, что где-то там продолжается война, на фронте свистят пули и взрываются снаряды, а на города по ночам целые стаи дирижаблей, пробираясь над облаками, сбрасывают бомбы.

О том, чтобы подружиться с кем-нибудь, даже начать хоть немного общаться, я даже не думала. Конечно, некоторые заключенные в самом деле пытались сбиваться в группы от двух до семи человек, чтобы дружить и поддерживать друг друга. Более того, в моем ангаре несколько дней назад даже была парочка девушек, которые влюбились друг в друга, и находили в своих чувствах единственное утешение.

А позавчера одну из них, фею, утащили развлекаться несколько солдат. И похоже слишком увлеклись своими забавами, потому что когда ту девушку вернули в ангар, на ней не было живого места, и к утру она скончалась. На что надзирателям, конечно же, было все равно — тело просто забрали, чтобы сжечь в крематории с очередной партией эльфов, отравленных в газовой камере.

Что же касается ее любовницы... то сейчас она громко кричала посреди цеха, исхудавшими, загрубевшими, дрожащими пальцами прижимая заточку к горлу одного из надзирателей. А несколько солдат, взведя курки, держали ее на мушке. Но хуже всего для меня во всей этой ситуации было то, что эта вздумавшая бунтовать женщина стояла прямо рядом со мной. И потому существовала серьезная вероятность того, что начнись потасовка — мне прилетит в числе первых.

Девушка продолжала что-то кричать — чтобы солдат, которые сделали это с ее подругой, сейчас же привели сюда и наказали. Требовала правосудия, и всего такого... Что звучало так глупо и наивно для человека, прошедшего через то, через что вероятно прошла она. Правосудие? По

отношению к ломовой лошади? Да чтоб представителей богоподобной расы оборотней наказывали за то, что они случайно перестарались и заморили дряхлую клячу, которых здесь — пруд пруди? Которые и так регулярнодохнут из-за болезней или физического истощения? Уверена, надзиратели, узнав о таких требованиях, попадали со смеху. И даже сейчас, бросая беглые испуганные взгляды на целившихся в девушку солдат, я видела на их лицах презрение и циничные ухмылки.

Это случилось быстро и даже как-то неожиданно. Один из солдат, видимо не выдержав всего этого фарса (либо получив приказ через ментальный артефакт от командования) сделал единственный меткий выстрел, попав девушке в лоб. Вот только дернувшись напоследок, она таки успела вонзить заточку в шею оборотня.

В ту же секунду на меня брызнул фонтан крови из артерии, успевший окропить стоявших рядом женщин, прежде чем бьющееся в конвульсиях тело упало на пол. Тут же к нему подбежало несколько солдат, которые пытались зажать рану и торопливо потащили раненного куда-то — вероятно, в лазарет. Я же, замерев, внезапно перестала обращать внимание и на кровь на своей одежде, и на стоящую вокруг шумиху. По одной единственной причине:

Рядом со мной, прямо у моей ноги, в луже крови, на полу лежала конфета. Настоящая конфета из настоящего дойреского шоколада.

Разум моментально помутился. Ничто больше не имело значение. Все, о чем мог думать мозг, управляющий этим истощенным, изголодавшимся телом, это лакомство, словно пришедшее из другого мира. Язык болезненно ныл, почти что ощущая ее вкус. Нежный, сладкий, изысканный, с легким привкусом дробленых орешков. И совершенно не соображая, я быстро наклонилась, подбирая конфету, чтобы спрятать ее в кармане...

— Эй, — услышала я в тот же миг и вздрогнула, прижимая руку к маленькому потрепанному кармашку, куда спрятала свою добычу.

— Да? — испуганно прозвучал мой голос в ответ на строгий взгляд солдата, стоявшего прямо за моей спиной.

— Что это ты подобрала, тварь? — выпалил он, резко ударив меня по лицу.

— Ничего, — всхлипнув, соврала я. Понимала, что врать не стоит... но признаться и просто отдать конфету казалось чем-то преступным, кощунственным, непозволительным. Тем, за что я себя никогда не прощу. Даже после смерти.

— Повторяю вопрос: что ты подобрала? — прорычал молодой светловолосый оборотень, нанося мне новый удар. — Какую-то запасную

заточку той сучки, да? Решила и сама побунтовать?

— Нет, что вы, — в ужасе пролепетала я, ощущая, как спина покрывается липким потом. — Ничего такого...

— Показывай, — гаркнул солдат. Но я лишь замерла, зажимая рукой карман. И тогда он попытался силой оторвать от него мою руку.

Я же совершила чудовищную ошибку: попыталась сопротивляться. Просто на автомате, боясь отдать конфету.

Злобно сверкнув глазами, мужчина болезненно выкрутил мне руку, а в следующую минуту заломил ее за моей спиной. В панике вскрикнув, я расплакалась, а он тем временем просунул пальцы в карман... извлекая из него конфету в окровавленной обертке.

Несколько секунд солдат просто смотрел на лакомство округлившимися глазами. А затем его лицо побагровело.

— Ты дорвалась, тварь, — прорычал он, надевая на мои запястья наручники. И не обращая внимания на проводившие нас пустые взгляды, повел меня в сторону выхода из цеха.

Вскоре меня, словно тряпку, швырнули в маленькую тесную комнатку. Когда ее дверь захлопнулась, я оказалась в темноте и ощутила, как к горлу подступает ком. Надо же, как глупо. Неужели меня... теперь расстреляют? Из-за конфеты, которую я так и не смогла съесть, даже лизнуть? Как глупо, бессмысленно. И как же сильно не хотелось умирать. Просто жить, пусть даже так, но видеть, слышать и чувствовать хоть что-нибудь. Пожалуйста, что угодно, только не чернота, пустота и ничто... А в то, что после смерти меня может ждать какой-нибудь рай, я уже даже не верила. Эти мечты о том, что в загробной жизни мне воздастся за все страдания, казались такими глупыми и наивными...

Нет, пожалуйста, что угодно, только не смерть.

Но самым странным показалось мне то, что даже сейчас слез не было. Я лишь сидела в уголке и дрожала, обхватив плечи, потеряв счет времени. И именно так меня нашли вошедшие в комнатку солдаты, которые грубо подхватили меня под руки и потащили куда-то по мрачным коридорам.

Неужели в комнату для расстрелов, где мне просто выпустят пулю в затылок?

Жмурясь, я лишь неуклюже передвигала ослабевшие ноги и отчаянно сжимала губы в плотную линию. Пока не поняла, что мои конвоиры остановились, отчеканив что-то на дойреском. Лишь тогда я решилась открыть глаза... и обомлела.

Передо мной стоял тот самый офицер, строго отдававший приказы своим подчиненным.

— Шевели ногами, — фыркнул он, схватив меня за плечо. И ничего более не говоря, четкой армейской походкой пошел дальше, волоча меня за собой.

Вскоре мы, пройдя кажется по подземным туннелям, поднялись по лестнице. И тогда я узнала коридоры, в которые мы вышли. Потому что уже ранее меня вели по ним.

Это были коридоры к его квартире.

Грубо запихнув меня за дверь, оборотень буквально проволочил меня к одной из комнат, оказавшейся совершенно без окон... но при этом с кроватью, шкафом, столиком и даже ванной, стоящей в углу за ширмой.

— Найди себе что-нибудь в шкафу вместо этих вонючих тряпок, — прорычал мужчина, проталкивая меня за порог. — Только сначала отмойся как следует. Пожрать принесу вечером, и потом расплатишься за еду.

Больше ничего не говоря, офицер захлопнул тяжелую дверь, и я услышала, как щелкнули замки, надежно запирая меня в этой комнатушке с блекло горящим светильником.

ГЛАВА 4. Четыре стены

Не было ничего, кроме страха.

Пока я стояла посреди комнаты, минута за минутой, остолбеневшая, и лишь оглядывалась по сторонам. Словно боялась, что в любой момент картина перед моими глазами переменится, и я снова окажусь в коридорах, на пути к расстрельной комнате... а то и вовсе посреди нее, с приставленным к затылку пистолетом.

Пока стягивала с себя старую, грязную, потрепанную лагерную одежду, в то время как в ванной набиралась горячая вода, а поток из крана взбивал в ней воздушную мыльную пену.

Пока опускалась в приятно пахнущую воду, впервые за долгое время снова ощущая, как она обволакивает мое тело, растворяя грязь и смывая с кожи запахи нечистот, телесных выделений и изнасилований. А затем — пока отмывала распаренное тело намыленной мочалкой.

И конечно же, пока боязливо перебирала вещи в шкафу, подбирая себе одежду и белье (о боги, настоящее белье. Не видела его уже так давно...).

Покончив с этим, я осторожно сложила старую одежду в мешок для мусора, стоявший в углу рядом с унитазом. После чего долго не могла понять, куда себя деть. Сесть на кровать? Наверное, да... но никак не удавалось убедить себя, будто такое мне вообще позволено. Как и в то, что эта кровать все еще существует, а я — действительно не в ангаре, не в цеху и не в расстрельной комнате.

Но вскоре я все же села на нее. Когда поняла, что ноги уже больше не держат — их попросту подкашивало. А уже минуту спустя тело само опустилось поверх одеяла и я, дрожа, провалилась в беспокойный сон.

Тем, что выдернуло меня из него, была, как ни странно, сильная рука все того же офицера, грубо дернувшая за плечо.

— Чего тут валяешься? — прорычал он, заставляя посмотреть ему в глаза.

Не находя что ответить, я молчала. Лишь испуганно смотрела на этого безжалостного зверя. Который, шипя сквозь стиснутые зубы, развернул меня, припер лицом к стенке и тут же торопливо задрал юбку. А в следующий миг я услышала, как он расстегивает штаны.

Напряженно дыша, оборотень проник в меня, прижимаясь к моей спине. И жестко водя руками по телу, смял грудь.

— Тебе ведь нравится, я знаю, — простонал он, делая первый толчок,

с которым просунул пальцы в мой рот. — Я завожу тебя, даже не отрицай этого. И хоть ты пытаешься говорить себе, будто все иначе, будто я заставляю тебя, не оставляя выбора... На самом деле ты всегда, с самого первого раза хотела меня. Твое тело тянулось к моему, желая принадлежать мне. Именно я был тем самым единственным мужчиной из всех, которые брали тебя с дня, когда ты стала военнопленной. Тем, к которому ты ощущала притяжение, в котором отчаянно не хочешь себе признаться.

Что... что он вообще несет? Голова все хуже соображала из-за грубых движений, которые офицер раз за разом совершал внутри меня. От того мне еще труднее было понять: в самом ли деле я слышу все это от него, или же мне просто чудится?

— Скажи, что хочешь меня, — горячо выдохнул он мне в затылок, потягивая меня за растрепавшиеся за время сна волосы. — Ну же, говори, — заорал он приказным тоном, резко дернув за них, — Говори, кому я сказал, сучка.

— Я... я хочу вас, — всхлипнула я, сжимая кулаки. И в тот же миг, изливаясь в меня, оборотень жадно прижался к моим губам, неистово просовывая язык.

Поцелуй углубился. И хоть член внутри меня уже начал обмякать, мужчина не спешил отстраняться. Даже не сбавлял напора, жадно исследуя мой рот.

— Хорошая девочка, — прошептал он, щекоча губы своим влажным дыханием. — Я всегда это знал. С самого первого раза.

Наконец покинув мое тело, оборотень разжал объятия и буквально донес меня до кровати, позволяя на нее сесть. Где уже привычно расставил мои ноги, чтобы помазать меня внутри контрацептивом. А после ушел, оставив в комнате одну.

Безумец. Самый натуральный псих. К чему вообще было все то, что он здесь нес? Зачем ему понадобилось, чтобы я сказала это? Унизить меня? Показать, что я — мусор? Но ведь это же и так понятно. Понятно с самого первого дня, когда я согласилась отдаться ему за еду. Не рискну даже предположить, что в голове у этого оборотня.

А пока я, растеряно дыша, сидела на месте как вкопанная, совершенно позабыв о времени, дверь комнаты открылась и офицер снова вошел в нее. На этот раз — толкая перед собой маленькую тележку, на которой стояли тарелки с едой.

— Можешь пожрать, — сказал он, оставляя ее мне, и тут же ушел.

Манящие запахи моментально выбили из моей головы все рассуждения. После скудной, черствой лагерной еды, которой выдавали

мучительно мало, эти аппетитные блюда попросту лишали рассудка. Потому все, о чем я могла думать — то, как я утолю ею свой невыносимый голод, который день за днем царапал желудок когтями черствых сухарей.

И лишь когда последняя тарелка была вылизана, а последние крошечки хлеба аккуратно сметены на ладошку, чтобы опрокинуться в рот, я снова смогла задуматься о том положении, в котором оказалась.

Для начала, я все еще была жива. Более того, опять находилась в квартире этого мужчины. Причем комната... словно специально была оборудована для того, чтобы держать в ней домашнего пленника. Неужели он специально обустроил ее таким образом для меня? Нет, бред какой-то. Может просто офицер любил время от времени брать себе некоторых пленниц в личное пользование, чтобы забавляться с ними, при этом держать при себе — дабы, допустим, каждый раз не отмывать по новой, а просто дать возможность поддерживать личную гигиену? Да, эта версия звучит куда более правдоподобно.

Тем не менее, я все равно ничего не понимала.

Оборотень не возвращался довольно долго. Что самое мучительное, в этой комнате не было не только окон, но и часов. Потому я даже понятия не имела о том, сколько прошло времени: с тех пор, как меня привели сюда; с тех пор, как я проснулась и этот мужчина снова взял меня; с тех пор, как он ушел. И возможно время в самом деле не имело значения, но неизвестность угнетала, еще больше пугала и сбивала с толку.

Потому когда дверь комнаты наконец снова открылась, я вздрогнула и обратила свой взор на вошедшего мужчину в черной форме с серебряной отделкой.

Неужели снова хочет, чтобы я... расплатилась за еду?

— Вижу, ты неплохо обустроилась, — высокомерно бросил он, запирая за собой дверь. — Есть будешь так часто, как я буду вспоминать тебя покормить. Мойся регулярно, каждый день. А после того, как я тебя трахну — дополнительно. На случай, если мне захочется сделать это снова. И еще, теперь ты каждый день должна пить вот это, — хмыкнул он, швырнув мне пузырек таблеток... Противозачаточные? — Если вдруг решишь обмануть меня в надежде, что забеременеешь, получишь лучшее положение, то даже не надейся. Родить этого ребенка я тебе все равно не позволю, а чтоб ты запомнила урок — аборт тебе сделают без анестезии. Так что лучше принимай их регулярно. Усекла?

— Тогда можно мне... часы и календарь? Или просто блокнот с ручкой? — решилась пискнуть я, сжимая пальцами пузырек.

— Что? — прошипел мужчина, видимо возмущенный тем, что я

посмела подать голос.

— Чтобы не пропускать прием таблеток, — пояснила я, сжавшись всем существом. — Здесь нет окон и я не знаю, когда проходят сутки. А если таблетки нужно принимать раз в день, то мне нужно хоть что-нибудь, что отмеряло бы время и дни.

— Хорошо, позже принесу, — поморщившись, сплюнул офицер. А после нагло добавил: — Еще вопросы будут?

— Только один, — прошептала я, собравшись с духом. — Как я понимаю, вы хотите, чтобы теперь я жила в этой комнате?

— С прозрением, дрянь. Ты просто сама наблюдательность.

— Но почему... я здесь?

— То есть?

— Почему вы захотели взять меня в свою квартиру?

— Так тебя будет удобнее трахать каждый раз, когда мне захочется, — выпалил мужчина.

— Но почему... именно меня?

— Потому что мне так захотелось.

— Все равно не понимаю, — шепнула я, покачав головой. — По какой причине вы решили взять к себе именно меня?

— А тебе какая разница, болтливая ты сучка? — прорычал оборотень. — Радуйся, что теперь будешь спать в тепле на мягком, жрать нормальную еду и работать только в моей постели.

— Просто это так странно... По какой-то причине выбрали именно меня. Заметили тогда в поезде, водили к себе, и вот теперь... Я бы поняла, если бы вы захотели взять на эту... работу... фею. Или очень красивую человеческую женщину. Или ту, в которой почуяли свою истинную пару...

Я осеклась. Оцепенела от страха, глядя на оборотня. По тому что от того, как в этот момент переменялось его лицо, я поняла, что случайно попала в точку.

Не может быть. Этого просто не может быть.

— Не неси бред, тупая ты тварь, — рывкнул офицер, резко приблизив ко мне свое лицо. Так, что мне казалось, он просто сейчас обратится и загрызет меня. Но нет, оборотень лишь прожег меня взглядом, а после, резко развернувшись, покинул комнату, злобно хлопнув за собой тяжелую дверь.

ГЛАВА 5. Искра

По сути, мне не было на что жаловаться, если сравнивать со временем, проведенным в плену. Клетка, в которую меня посадили, была теплой и чистой. Кормили, несмотря на опасения, регулярно и досыта (хотя я все равно придерживала в тайнике завернутый в тряпицу кусочек хлеба — на всякий случай). Офицерский врач обследовал меня и взял анализы, подтвердив отсутствие венерических заболеваний, и вместе с тем выписал лекарство от какой-то непонятной мне инфекции в крови, которая обнаружилась при осмотре. При этом не приходилось работать на военных лагерных фабриках, а после смены гадать: изнасилуют сегодня, или нет? И не избыют ли солдаты во время своих забав так, что не доживу до утра?

А взамен я просто спала с одним единственным мужчиной. Пугающим, жутким, который регулярно унижал... но при этом не бил, не был слишком груб в постели и не пускал меня по кругу со своими приятелями. Что, если вспомнить все остальные недели в плену, было просто райскими условиями.

Ну а время, проведенное на свободе, вспоминать было попросту глупо. Его ведь уже все равно не вернуть.

Так что я по сути вытащила счастливый билет, когда этот оборотень учуял во мне свою истинную пару... чего, конечно же, никогда вслух не признает. Но что давало мне шанс не только выжить, а еще и остаться при нем на положении личной рабыни-любовницы, которую он будет содержать. Потому что найдя свою истинную пару, оборотень уже не может выбросить ее из головы. Она становится для него навязчивой идеей, от которой невозможно избавиться. Следовательно, меня наверняка не вышвырнут. Потому мне бы радоваться...

Только вот почему-то все равно хотелось отчаянно выть. Возможно просто стала с жиру беситься, когда исчезли холод, голод, тяжелая работа и регулярное насилие?

— Мерзость, — с отвращением фыркнул офицер, стягивая с меня белье, чтобы позабавиться, и обнаружив в нем тряпицы, на которых собиралась моя кровь.

По-правде, возможность использовать тряпицы появилась у меня только здесь — о средствах женской гигиены, конечно же, в лагере не могло быть и речи. Пленным женщинам приходилось просто... продолжать ходить, спать и работать, в то время как менструальная кровь стекала по

ногам и перепачкивала грязные штаны. Когда женские дни заканчивались, им позволялось постирать свою одежду. Вот и все.

Но оказавшись здесь, в этой комнате, я не могла позволить себе подобного, и просто пустила на тряпицы, которые подкладывала в белье, одно платье, которое офицер в порыве страсти как-то на мне разорвал.

Отбросив меня, мужчина вышел из комнаты, застегивая на ходу штаны. А через некоторое время вернулся, швырнув мне на кровать большую упаковку с тампонами.

— Затыкай свою дырку чем полагается, — бросил он, снова оставляя меня одну.

Не теряя времени, я подмылась и вставила тампон, с трудом с ним разобравшись — раньше, до плена, у меня не было мужчин, так что пользовалась я прокладками. Наверное и сейчас бы их предпочла, будь у меня выбор. Но пара-тройка циклов, проведенных в лагерных условиях с окровавленными штанами, напрочь отбили желание капризничать.

— Ты уже закончила приводить себя в порядок? — надменно поинтересовался оборотень, снова открывая дверь.

— Да, — пискнула я.

— Отлично, — хмыкнул он, садясь на край моей кровати. — Тогда сегодня поработаешь ртом.

Нервно кивнув, я послушно подошла к нему и встала на колени. Тяжело дыша, расстегнула черные штаны и извлекла из них уже затвердевший член, который осторожно приблизила к своему рту и медленно вобрала кольцом губ.

— Вот так, хорошо, — простонал оборотень, положив руку мне на затылок. — Тебе он нравится, я знаю.

К счастью, у меня был повод не отвечать — мой рот занимался тем, что не оставляло возможности для болтовни.

Подобное тоже стало для меня в порядке вещей. И я так же убедила себя в том, будто все нормально и я не делаю ничего противоестественного. Что просто вот для меня наступили темные времена, которые никогда не закончатся, и ублажать ртом этого мужчину — не худшее, что могло со мной случиться. Не худшее из того, что я пережила...

Не худшее из того, чего заслуживала такая жалкая, никчемная, опустившаяся тряпка.

Отдаваться за еду было уже не зазорно для меня на тот момент, когда мы с ним встретились. Потому что к тому дню я растеряла все, что давало мне право называться человеком. Во мне не было даже капли гордости или самоуважения. Никаких желаний и стремлений — лишь пустая оболочка.

Биологическая единица. Тело. И лишенное разума, это тело имело всего одну задачу: не умереть физически. Потому что разума, который управлял бы им, больше не было чтобы напомнить о вещах, которые были для этого разума важны. Так что тело просто двигалось, выполняя свою физиологическую функцию, потому что более ни на что не было способно. Тело выполняло и молча терпело, лишь бы его кормили и не убили. Тело согласно было жить в условиях, которые были более подходящими для скота, нежели для человека. Тело сейчас сосало член оборотня, который обеспечивал ему более комфортные условия существования взамен на удовлетворение потребностей в регулярном сексе с той, кого его инстинкты признали своей истинной парой... Что разум офицера, конечно же, признавать отказывался. Ведь представитель расы, считающей себя высшей, никоим образом не может почуять истинную пару в низшем существе, человеческой женщине.

Даже смешно... мне понадобилось столько времени, чтобы это понять. Интересно, пришло бы ко мне это понимание, продолжай я вести прежний образ жизни в ангаре, потому что моему угасшему разуму нужно было всего лишь время? Или же дело действительно в том, что оказавшись в более комфортных условиях, и больше не работая с утра до ночи, я просто получила возможность мыслить, чтобы поднять со дна маленькую песчинку от своего существования? Тогда не благодаря ли тому, что сделал со мной конкретный мужчина в этом лагере, я получила возможность снова почувствовать что-нибудь кроме бесконечной, бездушной апатии?

Внезапный вкус брызнувшей в рот спермы прервал мои размышления. Спермы, которую я тут же выплюнула...

И сразу поймала на себе злобный взгляд офицера. Ну конечно. Он ведь желал, чтобы я всегда глотала, каждый раз, все до последней капли. И я глотала, не чувствуя вкуса, даже не осознавая своего унижения.

Вот только на этот раз выплюнула — молча, на уровне чистых рефлексов.

— И что это значит? — прищурился мужчина, прожигая меня взглядом. А я ничего не ответила.

Да, нужно было срочно извиниться. Просить прощения, умолять, бормоча, что это вышло случайно. И даже если этот оборотень прикажет просто сейчас слизать его семя с пола, чтобы проглотить до последней капли — сделать так, как он говорит...

Вот только вместо всего этого я оцепенела, с неподдельным ужасом глядя в холодные серые глаза.

— Я спрашиваю, что это значить? — строго процедил он, слегка

прищуриваясь. — Почему ты не проглотила? Отвечай.

— Не знаю, — неуклюже пробормотала я, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Хотя в действительности наверное врала.

Впервые врала ему.

Потому что в глубине души догадывалась об ответе.

— Неужели шавка решила попробовать убого взбунтоваться против руки, которая ее кормит? — протянул офицер, толкнув меня в плечо, чтоб я упала на пол. И тут же встал в полный рост, нависая надо мной. — Довольно смело для мрази, принадлежащей к низшей расе. А мне ведь уже даже начало казаться, что я научил тебя понимать, где место всем вам, жалким людишкам.

Но я по-прежнему молчала. Не могла промолвить и слова. Лишь смотрела ему в глаза с прежним страхом... вот только взгляд все равно почему-то не отводила.

Стиснув зубы, оборотень грубо схватил меня за руку и демонстративно отпихнул со своего пути, прежде чем выйти из комнаты и запереть за собой гулко щелкнувший замок.

ГЛАВА 6. Из пепла

Вот уже два дня мой тюремщик, хозяин и палач не приносил мне ни единой крошки хлеба. И потому я лишь порадовалась своей предусмотрительности, с которой откладывала немного еды в тайник. По крайней мере, оба этих дня мне удавалось что-нибудь съесть — хоть немного, маленький кусочек. Но желудок уже не был совсем пустым, и это помогало.

А на третий день оборотень, явившись в мою комнату, заявил:

— Встань на колени, попроси прощения за то, что не проглотила мою сперму, после отсоси у меня, и на этот раз заглоти все до последней капли.

Я же... даже не пошевелилась. Лишь сидела на кровати, глядя на него с привычным ужасом.

Тогда мужчина, сцепив зубы, набросился на меня, повалил на кровать и, задрав юбку, грубо взял. А затем ушел, так и не принеся еды. Только в отличие от предыдущих двух дней, припасенного хлеба у меня больше не оставалось, так что я и вправду голодала в полном понимании этого слова.

Следующим вечером офицер снова вошел в мою комнату и с порога бросил мне кусок хлеба.

— Пожри, будет обидно, если ты здесь сдохнешь, и мне потом придется убирать из своей квартиры твою вонючую тушу, — высокомерно фыркнул он, привычно глядя на меня сверху вниз. — Или может ты перестанешь выпендриваться и будешь делать все, что я говорю? В конце концов, ты только человек. А люди — просто жалкие куски дерьма. Это заложено в вашей природе, такие вы существа...

— Почему? — неожиданно для самой себя перебила я, поражаясь звукам собственного голоса.

— Что почему? — не понял мужчина.

— Почему вы, оборотни, решили, будто лучше других рас? — продолжала я, по-прежнему дрожа от страха.

— А разве это не очевидно? — надменно хмыкнул офицер.

— Вообще-то нет.

— То есть, нет? — нахмурился он, пронзив меня взглядом.

— Возможно я чего-то не знаю... но ведь все, все до единого источники информации о том, что оборотни — высшая раса, сводятся к речам вашего фюрера, который вещает об этом последние несколько лет. И собственно благодаря этим своим речам пришел к власти в Дойресе,

захватив власть в вашем парламенте, Рихаре. А вы — на то время экономически отстающая, депрессивная страна, — развесив уши, только и делали, что слушали эти заверения в собственном превосходстве. Лишь веря им, лишь пребывая в уверенности, что вы чуть ли не боги, начали наконец отстраивать и приводить в порядок свое государство. Вот только единственной землей под ногами вашей уверенной походки было это самое убеждение: что оборотни — высшая раса, а остальные заслуживают максимум стать вашими слугами, если не вообще быть изничтоженными, как эльфы. Только вот молча сидеть и быть себе уверенными вы не хотели, — выдохнула я, сглотнув горькую слюну. — Вам нужно было обязательно доказать свое превосходство всем остальным расам, и ради этого вы сначала устроили геноцид эльфов в своей стране, а затем развязали войну с другим государством. Целью которой было лишь одно: показать всем остальным расам, что они — ничего не стоящий мусор, а вы — боги. Вот только... Это даже забавно, — нервно хохотнула я. — Люди, эльфы и феи веками прекрасно уживались и уживаются друг с другом. А вот вы одни решили, что место в этом мире сможете получить, лишь уничтожив и поработив всех остальных. Так разве... разве это не доказывает того, что это вы — та самая низшая раса, раз просто не способны жить в мире, где кроме вас есть кто-нибудь еще?

— Кому-то здесь стоит прикусить свой язык, — выпалил офицер, нависнув надо мной и грубо схватив меня за плечи.

— Почему же? — невротично вздернула бровь я. — Потому что слова, которые говорит этот язык, внезапно контрастируют с речами вашего фюрера? — протянула я. А после, видимо окончательно сойдя с ума, добавила: — Того самого фюрера, чья мать — эльфийка, изнасилованная оборотнем, и родившая от этого насильника ребенка? Маленького, низкорослого, закомплексованного мальчика, который сорвался и поехал крышей от того, что как полукровка, нигде не был своим. Который провалился в этой жизни везде, где только мог. И был настолько слаб, что не найдя себе места в существующем мире, не придумал ничего лучшего всеобщей шизофрении. Той самой, воплотить которую ему удалось лишь потому, что и все оборотни тогда были максимально жалкими, ничего не имеющими бедняками, часто всеми семьями совершавшими групповые самоубийства от безденежья. И при этом злобно завидующими эльфам, которые в большинстве своем умудрялись вести дела и неплохо выживать даже в таком экономически отсталом государстве, как тогдашний Дойрес. Вам просто нужен был кто-то, кого можно унижать и изводить, чтобы самим почувствовать себя хоть сколечко значимыми. И какая вы после

этого, к чертовой матери, высшая раса?

Мне показалось, что сейчас он просто задушит меня. Потому лишь в ужасе смотрела на побагровевшее лицо оборотня, прожигавшего меня взглядом.

Как вдруг он отпустил меня. Просто разжал пальцы и, стиснув зубы, отошел.

— Громкие речи. Слишком громкие для потаскухи, которая трахается со своим тюремщиком за еду. Потаскухи, которую бросила собственная замечательная страна, используя ее жизнь ради отвлекающего маневра на поле боя. Потому что она совершенно ничего не стоит. У такой как ты нет и не может быть никаких принципов и права так громко таявкать.

— Да-да, конечно, в вашем понимании принципы и нерушимые убеждения могут быть лишь у истинных представителей высшей расы. Вот только когда-то у меня в самом деле были принципы, которые казались мне так же вечными и крепкими. А потом я поняла, что они стоят не дороже тарелки супа. И что самое главное, неужели вы думаете, что однажды такой тарелки супа не найдется и для вас, с вашей голой и пустопорожней уверенностью в собственном расовом превосходстве?

Зарывав, оборотень с силой опустил армейский сапог на принесенный кусок хлеба, все еще валявшийся на полу. И остервенело его растоптав, захлопнул за собой дверь.

А уже следующим утром меня отвели обратно в ангар, предварительно переодев в потертую, серую лагерную одежду.

Так я даже оглянуться не успела, как в мою жизнь вернулись холод, голод, тяжелая работа от рассвета до заката, сон на деревянных полках, а то и вовсе на полу. И конечно же периодические изнасилования лагерной охраной.

Счет дням я тогда снова потеряла. Они просто смешались для меня в единое серое пятно, которое болезненно разъедала тело. Все просто стало так, как было изначально.

До одного вечера, в который солдаты, вытащившие меня из ангара после отбоя, отвели... в ту самую квартиру офицера. Где снова заперли в прежней комнате, приказав помыться и переодеться.

Он ворвался намного позже. Когда я, заламывая руки, уже устала напряженно считать время, которое отмеряли те самые часы, что когда-то выпросила.

Распахнув дверь комнаты, офицер тут же закрыл ее за собой. И ничего не говоря, хищно подпрыгнул ко мне, тут же до боли сжимая в объятиях и яростно впиваясь в губы. Жадно переплетая свой язык с моим, мужчина

целовал меня так, словно умирал от голода, и я была единственным, что могло этот голод утолить. Словно обезумев, он принялся срывать с меня одежду, торопливо расстегивая свою, и с пугающим вождением скользил руками по худощавому телу.

— Моя, — со стоном выдохнул он, разорвав поцелуй лишь на миг. За секунду до того, как повалить меня на кровать, раздвинуть ноги и ворваться в меня.

В этот момент его лицо выглядело так, словно оборотень во власти сильнейшего дурмана. Прижимая меня к кровати крепкой грудью, он принялся неистово двигаться, раз за разом пронзая своей плотью все мое существо.

Это продолжалось недолго. Не сдерживая себя, мужчина двигал бедрами быстро и напряженно, пока его семя наконец не излилось в меня. А затуманенное лицо, закатив глаза, на несколько секунд словно оказалось в другом измерении. И лишь когда эта волна немного попустила его, офицер вышел из меня и рухнул спиной на кровать, рядом со мной. Тут же прижимая меня к себе и до боли сжимая мои плечи.

Он долго ничего не говорил. Лишь тяжело дышал, глядя в потолок. Я же не решалась даже пошевелиться.

— Теперь, я надеюсь, ты снова будешь покладистее, — наконец сказал офицер, неспешно поднимаясь с кровати. — Иначе я верну тебя туда. Тебе ведь не понравилось это — опять жить в тех условиях, я знаю, — хохотнул оборотень. — Грязь, холод, голод, сон либо на досках, либо вообще на голом полу, и еще тебя дерут все подряд. А здесь вкусная еда, мягкая кровать и единственный хозяин, которого, я знаю, ты сама хочешь, — словно в горячке проговорил мужчина, посмотрев на меня с безумием, не оставлявшим сомнений: он в самом деле верит в свои слова. Особенно — в последние из них.

Сжимая губы, я приподнялась в постели и поспешила прикрыться одеялом. Сейчас мне по какой-то причине особенно не хотелось оставаться обнаженной под его взглядом.

— О, неужели мы решили поиграть в скромняжку? — прорычал он, попытавшись сдернуть с меня одеяло... и яростно зашипел когда понял, что я крепко-крепко держу его тонкими дрожащими пальцами.

Прищурившись, оборотень склонился надо мной, и напряженно потянув за одеяло с новой силой, выпалил:

— Сейчас же отпусти его.

Но я не отпустила. Лишь продолжила со страхом смотреть на своего тюремщика.

— И что же это значит, шавка? — прошипел офицер. — Ты это что же, не усвоила урок? То есть, мне снова вернуть тебя в ангар, да?

— Возвращай, — выдавила я, не отводя загнанного взгляда.

— Что?

— Можешь возвращать меня туда. Хоть навсегда. Мне все равно.

— Неужели ты окончательно превратилась в скот, которому без разницы, что жрать, где спать и с кем трахаться? — прищурившись, гневно отчеканил мужчина.

— Единственный скот в этой комнате стоит напротив меня, — проговорили мои губы, в то время как разум завопил от ужаса осознания того, что я творю.

— Что ты сказала? — побагровев, рывкнул офицер, схватив пальцами мои скулы так сильно, что на глазах от боли выступили невольные слезы.

— То, что слышал, — поражаясь себе, ответила я. — Отправляй меня в тот ангар, мне все равно. Потому что ничто не сделает меня более жалкой, чем вы — самодовольные ублюдки-оборотни, решившие, будто у вас есть право гнобить других лишь потому, что те отличаются вот вас.

— Неужели забыла, шлюха? — протянул офицер. — Та страна, за которую воевала ты, не белая и пушистая. Начиная с того, что она сделала с тобой на поле боя, и заканчивая ее собственными зверствами. Неужели думаешь, что твое королевство, вместе со своими союзниками, ни разу не бомбят наши мирные города? Не издеваются над пленными, не насилуют в районах возле линии фронта, не проводят чудовищные магические эксперименты ради того, чтоб создать новое эффективное оружие против нас? А ты знаешь, что за две недели до того, как тебя взяли в плен, союзные войска сбросили газовые бомбы на наш мирный город, где находился крупный военный завод? Целый, черт тебя дери, город, в котором были женщины, дети и просто люди, не имеющие никакого отношения к войне... даже те, кто тихо, молча, осуждал то, что делает Третий Рихар; даже те, кто месяцами, годами прятал в своих подвалах эльфов от полиции и отрядов расовой чистки; даже этих самых эльфов, чьи тела потом нашли отряды, пришедшие разгребать трупы.

— Я знаю, это, — отчеканила я, не отводя взгляда от этих яростных серых глаз. — Знаю, что на войне не бывает святых. Что даже та сторона, на которую напали, во время военных действий морально опускается, превращаясь в жестокого, гадкого зверя, лишенного любых призраков благородства. Но даже так... даже с учетом всех военных преступлений стран союзников, это не отменяет того, что вся идеология, на которой держится власть Третьего Рихара — мерзкая, отвратительная дрянь,

которая не имеет права на существование, потому что само ее существование подразумевает угнетение других по расовому признаку. И какими бы мразями ни были все вокруг, вы, оборотни, все равно из-за этого останетесь хуже их всех вместе взятых. И ты понимаешь это. Все вы в глубине души понимаете это, но не хотите себе признаться. Потому что тогда от вашего маленького мира не останется ничего.

— Заткнись, сука, — закричал офицер, отвесив мне пощечину. И едва ее звон стих — уже направлялся к двери, которую остервенело запер за собой.

ГЛАВА 7. Длинная комната

Весь следующий день я ждала, что вот-вот дверь комнаты откроется и я увижу солдат, которые отведут меня обратно в ангары для пленных, где возобновятся мои будни с голодом, холодом и изнасилованиями. Что самое забавное, при этом понимала: мне в самом деле плевать. Пускай если так. Потому что того подавляющего, угнетающего, поглощающего все мое существо чувства эта перспектива во мне более не вызывала. Как будто я прошла весь этот круг морального падения и теперь, когда пережитое уже не было в новинку, по новой сломать и превратить меня в апатичного зомби оно тоже не могло.

Интересно, а что, если меня начнут пытаться? Именно по приказу офицера. Просто чтоб снова указать мне «на мое место»? О пытке дойреских войск ходили целые легенды. Оборотни умели мучить так, чтобы несмотря на боль, сводящую с ума, жертва оставалась жива, а если нужно — даже не изувеченной. По крайней мере, физически. Во что я превращусь тогда? Стану ли безучастным овощем, готовым по одному лишь приказу лизать сапоги своего хозяина?

Но тут дверь открылась и на пороге стоял он. Собственной персоной. С хмурым тяжелым взглядом, плотно сжатыми губами и бессменной стальной осанкой. Ничего не говоря, мужчина подошел ко мне и застегнул на запястьях наручники. При этом не за спиной, как это зачастую делали, а спереди. После, так же ничего не говоря, дернул за плечо, заставляя встать и следовать за ним.

Когда мы покинули комнату, беглый взгляд в окно дал понять, что сейчас в самом деле глубокая ночь. Спал весь лагерь, за исключением часовых и мрачных лучшей желтого света, скользивших по территории, да время от времени лизавших стекла окон, что молчаливо наблюдали за холодной ночью своими темными пустыми глазницами.

Долгое время я не была уверена в своих странных подозрениях, списывая все на то, что недостаточно хорошо ориентируюсь в лагере. Но вскоре поняла: мне не мерещится, оборотень в самом деле ведет меня в каком-то другом направлении. Не в том, в котором были расположены ангары с пленными.

Тогда куда? Куда он тащит меня по этим мрачным коридорам, где лишь изредка тускло горели светильники?

А когда понимание ответа пришло ко мне, было уже слишком поздно.

Потому что остановилась я уже в узкой, длинной холодной комнате без окон, расположенной очевидно под землей. До ужаса жуткой. С пятнами запекшейся крови, которая оставалась брызгами на стенах и на полу несмотря на то, что ее очевидно регулярно в конце каждой смены смывали шлангами в закрытый решеткой люк канализации, который взгляд выхватил в левом дальнем углу.

Да, никаких сомнений. Это она.

Расстрельная.

Напряженно выдыхая воздух, я закрыла глаза, перед которыми и так все потемнело. Голова закружилась — словно от сильной нехватки кислорода. И я сама поражаюсь тому, что все еще стою на ногах.

Что, конец? Правда?

Парадоксально, но именно в этот момент мне в голову (которую уже с минуты на минуты прострелит пуля) пришел довольно странный вопрос: а почему он самолично привел меня сюда? И похоже, собирается сам же выпустить мне в затылок эту пулю? Потому, что ему доставит удовольствие собственными руками пристрелить меня, словно паршивую взбесившуюся собаку?

...Или потому, что ощущает необходимость лично покончить со мной? Но вне зависимости от его мотивов и желаний, для меня остается неизменным единственный факт. Который заключается в том, что мне конец. После всего пережитого. После всех ужасов, унижений и лишений, через которые я прошла, отчаянно надеясь просто выжить... Мне все равно конец.

И сейчас я могла лишь тяжело дышать, ощущая, что любой из этих вздохов может стать последним. Потому что уже чувствовала дуло револьвера, приставленное к моему затылку. А под коленями — холодный влажный пол.

Надо же, и ведь даже не заметила, как он поставил меня на колени.

Дрожи не было. Лишь полное оцепенение. И дыхание — частое, тихое, напряженное. Все так же закрытые глаза, хотя это мои последние секунды. После которых для меня настанет вечная чернота — я ведь уже давно не верила в какие-нибудь мифические Рай или Ад, куда моя душа должна была бы попасть после того, как оборотень спустит курок. Так не логичнее было бы сейчас широко распахнуть веки и до последнего смотреть хоть на что-нибудь, пускай даже на стены расстрельной комнаты, прежде чем эта чернота навсегда поглотит меня?

Но нет, я все равно стояла на коленях с закрытыми глазами. Лишь судорожно сжимала пальцами ткань своей одежды.

...Да, верно, сама я не дрожала. Потому совершенно четко ощущала дрожь дула пистолета, приставленного к моему затылку. Того самого дула, из которого вот-вот должна вылететь пуля. И эти секунды перед моим концом казались бесконечными. Уже только лишь от этого ожидания становилось еще страшнее и мучительнее. Наверное, нажми оборотень на курок сразу, было бы лучше. А так... он что, просто упивается моим страхом? Или ждет, когда я начну в слезах умолять его оставить мне жизнь, и ползая в ногах обещать снова быть послушной псиной? Чтобы именно тогда, насмеявшись, выстрелить?

Не в силах вынести этого болезненного ожидания, я медленно открыла глаза, ощущая, как по щекам от них скользнули две тоненькие влажные дорожки.

...А в следующий миг раздался грохот, с которым брошенный револьвер врезался в стену напротив. Вздвогнув от этого звука, словно от самого выстрела, я со всей силы сжала пальцы и инстинктивно бросила взгляд на то место, куда упал пистолет. И лишь после этого обратила внимание на тихий, сдавленный плач за своей спиной.

— Проклятая сука, — прозвучал разбитый, сломленный голос, с которым оборотень, сжимая зубы, опустился на пол и оперся спиной на холодную стену, обхватив голову руками.

ГЛАВА 8. Прежде чем наступит рассвет

Тянулись дни, а за ними — недели. И все это время офицер не прикасался ко мне. Лишь раз в сутки, по вечерам, приносил в мою комнатку без окон еду и забирал оставшуюся с прошлого дня грязную посуду. Раз в неделю уносил мешок со стиркой и молча оставлял другой, в котором лежали уже постиранные вещи.

Ни единого слова, жеста с его стороны. Я же поддерживала это молчание, только сопровождала его взглядом каждый раз, как мужчина появлялся из-за открывшейся двери. Вплоть до того момента, как торопливо исчезал, вновь оставляя меня одну.

Потому когда я однажды поев легла спать, то никак не ожидала, что меня разбудят посреди ночи. И подняв с постели, прикажут быстро одеваться.

Вздвогнув при виде нервного, напряженного, слегка безумного лица оборотня, я не посмела послушаться и надела принесенные им штаны, рубаху, свитер, а в конце — добротные армейские сапоги. После чего застегнула темно-серую кожаную куртку.

— За мной, — скомандовал офицер. И схватив за руку, потащил по темным коридорам и подземным туннелям спящего лагеря, то и дело воровато оглядываясь по сторонам. Вздрагивая от каждого шороха за углом.

Пока наконец не распахнул дверь, за которой, в конце небольшого поднимающегося вверх туннеля, ночную темень освещал лишь слабый лунный свет. Не останавливаясь, оборотень потянул меня по нему вперед, пока наконец мы оба не вышли из-за зарослей кустарника посреди молодого, редко растущего леса. А следующим, что я увидела, был конь, стоявший привязанным к дереву в нескольких метрах от нас.

— Слушай меня внимательно, — сосредоточенно заговорил офицер, подводя меня к жеребцу, и всунул мне в руки рюкзак, который до того нем сам. — Здесь пайки, вода, немного сменной одежды и кошель с деньгами. А еще пистолет и патроны, чтобы в случае чего ты могла защититься. Вот в этом кармане компас — скачи на юго-запад, до рассвета ты должна добраться до небольшой деревни. На ее окраине, возле ивы, тебя будет ждать человек. Назови ему пароль: «Где у вас здесь продают вишневый эль?». Он должен будет ответить тебе: «В трактире дядюшки Шера». После этого можешь идти за ним, он накормит тебя и спрячет на день, чтобы ты могла отдохнуть. А ночью выведет к дороге и укажет путь до следующей

«станции». Всего таких будет пятнадцать, после чего тебя переведут через границу и ты окажешься в Шайваре, которая все еще сохраняет нейтралитет. Оттуда ты, используя деньги, сможешь свободно выехать в одну из ближайших стран, которые не затронула война, и обустроиться там. К беженцам из твоего королевства, особенно к женщинам, в мире сейчас довольно лояльное отношение, так что тебе дадут политическое убежище и работу. Особенно если покажешь наше лагерное клеймо. Все поняла?

— Почему? — только и смогла шепнуть я, непонимающе глядя на офицера широко распахнутыми глазами.

— Не спрашивай, — покачал головой он, неожиданно коснувшись ладонью моей щеки. — Просто... просто давай договоримся, — сбиваясь, выдохнул он. — Я понимаю, что ты ненавидишь меня. И понимаю, что таким, как я, нет прощения, потому не буду просить его. Но все же... Обещаю, что когда-нибудь, не знаю когда, но я обязательно найду тебя. И если к тому времени ты все же поймешь, что можешь меня простить, то я буду умолять дать мне шанс. О большем не прошу. И еще... меня зовут Альтан. А... твоё имя? Я могу узнать его?

— Эрис, — коротко сказала я, не отводя от него взгляд.

— А теперь вперед, и береги себя. Ты должна успеть к первой «станции» до рассвета.

Ничего более не говоря, оборотень развернулся и быстро зашагал обратно, к кустарникам, за которыми был тайный ход в лагерь. Я же не стала провожать его взглядом и отвязав коня, запрыгнула в седло, чтобы следуя компасу, погнать его на юго-запад.

Как ни странно, но офицер не соврал. Когда незадолго до рассвета я добралась до ивы, стоящей на окраине деревни, меня в самом деле встретил мужчина, в подвале которого ждали кров и еда. Чтобы переждать день, ночью я снова смогла продолжить свой путь до следующего перевалочного пункта. И так — до той самой заветной ночи, в которую я пересекла границу с Шайваром.

Зажиточная страна, сохраняющая нейтралитет в большой войне, конечно же не собиралась селить у себя толпы беженцев. Однако давала возможность перевести дух и выехать куда-нибудь в другое место. Как я узнала, некоторые сбежавшие пленные героически возвращались на родину, чтобы снова пойти на фронт под торжественные речи политиков. Вот только у меня такого желания не возникло. В конце концов, я была сыта этим. Слишком сыта. По горло. А политики всегда лгут и будут лгать. Ведь по сути это единственное, на что они способны и ради чего существуют. Потому чтобы они громко ни вещали с трибун, это никогда не

будет иметь настоящего значения. Единственным, что было и останется важным в нашем прогнившем мире, это человечность.

Я не стала писать письма в родной город о том, что жива. Возможно, сделаю это когда-нибудь в далеком будущем. Но сейчас, после всего пережитого, я желала лишь одного: покоя. Потому из Шайвара выехала в Эрафию, где поселилась в небольшом городке. Несмотря на лояльность и сочувствие, беженцев здесь конечно же не особо любили. Но если те хотели работать — им давали такую возможность. Так что для меня нашлось место на мыловарне и недорогая съемная квартира, которую я могла позволить себе оплачивать со своей зарплатой.

О большой и страшной войне местный народ не знал иначе, нежели из газет. Потому, конечно же, охал и сочувствовал всем ее жертвам. Вот только не имел даже отдаленного реального понимания того, что все это значит, и через какие ужасы приходится день за днем походить тем, кто знаком с тем адом не по наслышке. И я понимала, что нельзя винить за это ни одного из всех тех сытых людей, живущих всю жизнь в мире и покое. В конце концов, им всего лишь повезло не проходить через все то, через что прошла я, и миллионы мне подобных. Но что самое главное... так даже лучше. Пускай для всех их война в самом деле навсегда останется лишь страшной сказкой, реальных ужасов которой им никогда не придется познать.

Так для меня проходили месяц за месяцем. А потом счет пошел уже на годы. И вот уже я сама из газет узнавала новости с войны. Вернее даже будет сказать — новости о ее окончании, потому что империя Дойрес в конце концов проиграла союзникам. Третий Рихар пал, фюрер покончил с собой, а былую верхушку государства страны-победители судили как военных преступников.

Правда, не все новости я узнавала из газет. Многое мне рассказывали другие беженцы — либо осевшие в этом же городке, либо бывавшие здесь проездом. Новости, о которых официально не трубили на каждом углу, и даже умалчивали.

Например я узнала от них то, что из того самого лагеря, где была я, многим пленным удалось бежать благодаря помощи одного местного офицера, что выводил их секретным ходом. Где давал лошадь и указывал направление, в котором им следовало скакать, чтобы до рассвета добраться до первой «станции» тайной системы, помогавшей заключенным добираться до Шайвара.

А еще беженцы рассказали мне о том, что лагерь, в котором меня держали, незадолго до капитуляции Дойреса разбомбили с дирижаблей войска союзников. Их целью, конечно же, было уничтожить находившийся

на его территории военный завод. Ну а рабочая сила, состоящая из пленных, стала лишь необходимой жертвой. В результате там не выжил почти никто — ни из пленных, ни их зрителей. Те немногие заключенные, которым удалось спастись, вернулись домой и ни о чем не желали говорить.

Ни о чем не хотелось говорить и мне. Я просто устала от всего и не хотела ничего, кроме кружки холодного пива после работы. За которой обычно заходила в маленькую уютную таверну недалеко от своего дома. И там, усевшись за столиком в углу, спокойно попивала дешевый, но приятный на вкус напиток, молча наблюдая за залом кабачка. Здесь все было неизменно, день за днем. Как ни странно, мне нравилась эта неизменность. По крайней мере, сейчас.

— Кружку пива и порцию какого-нибудь рагу, — неожиданно услышала я знакомый голос как раз в тот момент, когда взгляд сосредоточенно утонул в содержимом моей кружки. И посмотрев в зал, я увидела за барной стойкой осунувшегося мужчину в поношенной одежде. Высокого, когда-то определенно сильного и державшего армейскую осанку. Но сейчас — уставшего и слабого. С сутулыми широкими плечами и растрепавшимися пепельными волосами, небрежно отросшими до плеч.

Мужчину, который заметив меня, не отводил взгляд своих потускневших серых глаз. И я тоже смотрела на него. Спокойно, твердо и уверенно. Взглядом, в котором больше не было страха.